

Содержание

Папа шутит.....	5
Тихий ангел	20
Грезиятка.....	51
Зефир в шоколаде.....	116
Переходный возраст.....	132
Потерять сознание	144
Милые бранятся	165
Отелло в юбке	183
Из породы собак.....	199
Конфликт хорошего с лучшим.....	208
Лялька, или Квартирный вопрос	219
Неподходящий жених	263

ПАПА ШУТИТ

Рассказ

— Теперь нарезать соленый огурец?

Будущая свекровь задрала брови:

— Как? В салат с крабовыми палочками — соленый огурец?

Точно я предложила нечто совершенно несусветное, вроде керосина в чай.

— В салат с крабовыми палочками идет только свежий огурец!

— Да, конечно. Забыла!

Я постаралась изобразить самую очаровательную из своих улыбок. И снова почувствовала себя растяпой и неумехой.

Это продолжается уже больше часа. Саша привел меня знакомиться с мамой, Елизаветой Григорьевной. Приняла она меня исключительно доброжелательно. Но я чувствую, что подвергаюсь череде маленьких экзаменов и проверок.

На экзаменах я никогда не умела достойно выглядеть. В институте, даже если знала материал на «отлично», мямлила и путалась, в лучшем случае получала «хорошо». А теперь на «тройку» с минусом отвечаю?

Хотя мы с Сашей опоздали к условленному времени, у Елизаветы Григорьевны обед не был готов. Наверное, специально, чтобы увидеть меня на поле боя, то есть на кухне.

Саша оставил нас одних, накрывает стол в комнате. Подозрительно долго отсутствует. Наверняка сел за компьютер. А я отдувайся! Или это маленькая месть за визит к моим родителям в прошлые выходные?

К моим мы тоже опоздали. Но у мамы уже ломился стол, а папа принял рюмочку-другую. Когда он в подпитии, то становится, мягко говоря, балагуром. «Бес в пьяного дурня вселяется», — считает моя мама.

— О! Александр! — воскликнул папа и потряс Саше руку. — Жених! Дочка, какой это у нас жених по счету?

Саша покраснел и поджал губы.

— Папа шутит, — сказала я.

— Принцесса! — Папа театрально прижал руки в груди и умилительно кривился. — Моя дочь — принцесса! — повернулся он к Саше. — Усекаешь, почему?

— Она прекрасна и красива, — ответил Саша и заработал улыбку благодарности от моей мамы.

— Не усекаешь, — продолжал паясничать папа. — Если она принцесса, то я кто?

— Насколько знаю, отец.

— Точнее!

— Мне неизвестно точнее.

— Если моя Маша принцесса, то я?.. — выдержал паузу отец и сообщил: — То я — король. Так и зови меня попросту — Король.

— Как скажете. Король Воробейчик — это звучит.

Наша фамилия Воробейчик. Мы с мамой прыснули. Нам понравилось, что Саша в пределах вежливости показывает нетрезвому папаше зубки. Если моему батюшке даль волю, он обсмеет вас с головы до ног. С ним долго не разговаривал муж его родной сестры, к которому папа прицепился на семейном торжестве: будто от дяди Коли странно пахнет. Весь вечер: «Коль, ты бы одеколоном пользовался! Коля, может, у тебя газы? Сестра, отведи мужа к врачу, у него кишечник пропускает». Дядя Коля чуть не побил моего папу. Тетка и мама разнимали.

Такой он, мой родитель, в трезвом состоянии вполне культурный.

Во время обеда, после тоста за знакомство, под салаты и прочие закуски, папочка продолжил терзать Сашу.

— Принц Александер...

Это «Александер», я видела, корежило Сашу. Но заткнуть моего папу можно, только стукнув по голове и отправив в нокаут. С колеи, в которую его швырнуло хмельное сознание, не вытащишь. Сегодня его заклинило на сказочных мотивах, на принцессе, которую домогаются женихи.

— Положено отгадать три загадки. Отгадаешь — отдам тебе дочь.

— И полцарства в придачу? — пробормотал Саша.

Папа его не услышал, потребовал от меня:

— Загадывай!

— Не лает, не кусает, а в дом не пускает, — покорно выдохнула я и тихо пояснила Саше: — С ним лучше не спорить.

— Замók, — ответил Саша.

— Поддавки! — возмутился папа.

— Давайте, Сашенька, положу вам заливное рыбное, — предложила мама с извинительной улыбкой.

Мол, мы понимаем, как вам все это не нравится, но уж потерпите.

— Маня! Вторая загадка.

— Без окон, без дверей, полна горница людей.

Удивительно, но Саша не знал этой детской загадки. Посмотрел на меня растерянно:

— Интернет?

— Ох-хо-хо! — рассмеялся довольный папа. — Счет один один! Арбуз, он же огурец!

— Что? — надулся Саша, который не любил проигрывать. — Какой арбуз-огурец?

— Отгадка: арбуз или огурец, — с торжествующим видом заявил папа. — Семечки — фигурально люди. В тесноте да не в обиде. Выпьем за это. Маня! Третья загадка, решающая. Не посрамись, дочка, посложнее задай.

Ну, держись, папочка! Еще посмотрим, кто сообразительнее: ты или «Александр»!

— В подвале установлены три лампочки, а выключатели от них в комнате. Как за один поход в подвал определить, какая лампочка соответствует каждому из выключателей?

— Интересно, — оценил задачку Саша.

У папы забегали глаза, он явно не мог решить задачу.

Мама под видом перестановки блюд на столе повернулась ко мне и прошептала:

— Ты зачем головоломку выдала? За один поход в подвал никак нельзя определить!

— Спокойно! — так же тихо ответила я.

Саша покрутил задумчиво вилку в руках и через несколько секунд сказал:

— Готово. Вы, конечно, — обратился он к моему папе, — знаете правильный ответ?

— Так... это... само собой... как же, — заюлил папа. Но потом вскинулся: — Кто тут жених? Я или ты?

— Я жених, — спокойно согласился Саша. — Нужно повернуть один из выключателей и отправиться покурить.

— Зачем? — хором спросили папа и мама.

— Сейчас поясню. Итак, покурив, вернуть выключатель в исходное положение и повернуть другой. Затем спуститься в подвал. Потрогать лампочки. Та, что нагрелась, будет соответствовать первому выключателю. Та, что горит, — второму. Соответственно третьему выключателю — оставшаяся лампочка.

— Гениально! — закричал папа.

Мама с облегчением выдохнула и широко улыбнулась. Саша ей нравился.

— Отдаете мне дочь? — спросил Саша.

— Бери! — широким жестом позволил папа. — Надо выпить, сговорились.

— Принесу горячее, — поднялась мама. — Маняша, собери маленькие тарелки.

Мы с мамой переглянулись: рано! Рано папу отправлять на боковую, еще не взял норму. У него должен наступить момент, когда начинает икать, безостановочно и громко. Тут мама подхватывает его и провожает в спальню: «Дорогой, тебе надо полежать несколько минут, чтобы прошло. Отдохни до чая». «С коньячком!» — сквозь икание напоминает папа. До чая и коньяка, как правило, дело не доходит. Папа засыпает и храпит так, что у соседей внизу люстра раскачивается.

Пока отец не принялся икать, он успеет еще попортить кровь «Александеру» рассуждениями о «свадебке».

— Сколько вам нужно? — спрашивал щедрый спьяну папа. — Не поспею! Машину продам, кредит возьму!

— Отдайте лучше наличными, — усмехнулся Саша.

— Мы не собираемся устраивать пышную свадьбу, — сказала я.

— Что? — качнулся на стуле папа. — Моя дочь как залежалый товар шито-крыто распишется? Не будет на то нашего благословения! Грех родне и друзьям не представить женишка, который Интернет с арбузами путает.

Наконец наступила последняя стадия перед иканием — циклический повтор одного и того же. Папа что-нибудь рассказывает, мгновенно забывает и начинает историю заново.

Нынче после требования, чтобы мы с Сашей принялись немедленно рожать, плодились неукротимо, папа вспомнил, как я маленькой увидела беременную женщину. Спросила, почему тетя такая толстая. Мне объяснили, что внутри живота у нее ребеночек. Я подошла к женщине и спросила: «Тетя, зачем вы съели ребеночка?».

Рассказал папа один раз, все посмеялись. Папа еще выпил и «вспомнил»:

— Да! Вы с детьми не тяните. Маня, когда была маленькой, увидела беременную...

Мы дослушали и слабо улыбнулись. Папа икнул, тряхнул головой и погрозил нам пальцем:

— Внуков требую! Маняша как-то увидела беременную...

Никто не отреагировал. Папа стал икать чаще, мама изготовилась транспортировать его в спальню.

— Маня! — ик. — Ты, — ик, — не на сносях, — ик? Хорошо бы, — ик. — Ты, — ик, — когда была маленькой... — ик. — Увидела, — ик, — беременную, — ик....

Он доикал историю, от которой нас уже тошнило, и мама решительно потянула его из-за стола:

— Пойдем, мне нужно с тобой поговорить.

Мы слышали, как по пути в спальню она уговаривает его полежать. А папа требует коньяка к десерту.

— Он такой только пьяненький, — оправдывалась я перед Сашей. — Да и пьет не часто. Папа умный, добрый, молчаливый, но под градусом...

— Все понимаю, — обнял меня Саша, — не переживай!

Воскресным утром папе, терзаемому похмельем и провалами памяти, мама устроила разбор полетов.

— Ты что творил! Ты что нес! Папа шутит! Папа у нас шутник! Мы со стыда чуть не умерли, дочь едва не рыдала. Я думала, сквозь землю провалюсь. Мальчик первый раз в дом пришел, а ты ему — Александр! Наплел про женихов бывших. Короля из себя корчил! Король Воробейчик!

— Что, так плохо все было? — робко спросил папа.

— Хуже не придумаешь! Зачем ты Сашу заставил загадки отгадывать?

— Про загадки смутно помню.

— Кстати, папочка, — вставила я свое слово, — ты обещал продать машину, взять кредит и подарить нам большую сумму денег.

— Да?! — пораженный папа схватился за больную голову. — Много обещал?

Мы еще некоторое время песочили его на два голоса, пока праведный гнев не улетучился и не взяла верх жалость к больному и убитому стыдом папе. Он без наших требований дал слово не пить. После того случая, когда обвинил дядю Колю в вонючести, папа не брал в рот спиртного целый год.

Мы встречались с Сашей давно, вместе ездили в отпуск и пользовались квартирой приятеля, который часто уезжал в командировки. Знакомство с родителями было телефонным: «Здравствуйте, это Саша! Можно Марию к телефону?», «Добрый день, Елизавета Григорьевна! Могу я поговорить с Сашей?» Приятель вернулся, устроился на работу без командировок. Мы решили пожениться и, конечно, не могли оставаться в подполье.

И вот теперь будущая свекровь тестирует меня на доблести хозяйки.

Улучив момент, я шепнула Саше:

— Катастрофа! Кажется, совершенно не нравлюсь твоей маме!

Когда сели за стол, Саша не нашел ничего лучшего, как заявить:

— Мама! А Маняша думает, что тебе не понравилась.

Я подавилась куском, закашлялась и метнула на Сашу гневный взгляд. Он похлопал меня по спине.

— Почему же? — спокойно ответила Елизавета Григорьевна. — Вы, Маша, на первый взгляд вполне симпатичная девушка.

И на том спасибо!

Светскую беседу на отвлеченные темы опускаю. Но у меня снова встал поперек горла кусочек крабовой палочки, когда Елизавета Григорьевна спросила:

— Надеюсь, жить вы собираетесь у нас? Места достаточно.

Я похолодела. Несколько раз сглотнула и испуганно смотрела на Сашу. Мы так не договаривались!

— Нет, мамочка! — ответил он и протянул мне стакан с водой. — Мы хотим снимать квартиру.

— Но тогда вам не удастся накопить на свое жилье!

— Как-нибудь выкрутимся.

Елизавета Григорьевна обиженно поджала губы:

— Не думаю, что я бы вас стеснила. А какие условия у ваших родителей, Маша?

— Двухкомнатная квартира. Они бы тоже нас с радостью приняли. Но мы мечтаем жить самостоятельно.

— Хозяин барин. Еще один вопрос, надеюсь, он не покажется вам неуместным. Я имею право знать. Когда вы планируете детей, Маша?

— Мы планируем, — промямлила я, — но не в ближайшее время.

— Иногда дети заводятся неожиданно, — строго сказала Елизавета Григорьевна, словно речь шла о тараканах. — Последствием аборта может стать абсолютное бесплодие. Вы, Маша, должны отдавать себе в этом отчет!

— Я отдаю, я понимаю, я не буду..

— Когда Маня была маленькой, — пришел на выручку Саша, — она увидела беременную женщину..

— О, нет! — тихо простонала я. — Ты еще икать начни!

Выслушав знаменитую историю из моего детства, Елизавета Григорьевна без тени улыбки резюмировала:

— Очень смешно.

И до конца вечера мы с ней изображали двух космонавтов, которых судьба забросила на орбитальную

станцию. Младший космонавт изо всех сил старался понравиться и потому смотрелся неумно, дурковато. Космонавт постарше видел-перевидел всяких летунов и не обольщался.

Только центр управления полетом, то есть Саша, чувствовал себя отлично, внутренне подтрунивая над нашими зажатостью и церемониями. Пытался развлекать, шутил, но юмор был нам недоступен, и над своими остротами Саша смеялся в одиночестве.

Когда пытка закончилась и Саша поехал меня провожать, я картинно смахнула пот со лба. Но сказала совершенно серьезно:

— Лучше пять экзаменов по математической физике, чем одно знакомство со свекровью.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — Саша привычно обнял меня за талию. — У тебя будет только одна свекровь. И соответственно единственный муж на всю оставшуюся жизнь. Что касается моей мамы, то с ней все просто. Во-первых, она не пьет и не просит называть ее «ваше величество». Тихо! Тихо! — он сжал меня покрепче, потому что я дернулась. — Во-вторых, мама полюбит тебя неземной любовью, потому что обожает все, что нравится мне. Даже пыталась компьютерное программирование освоить, но быстро сломалась. В-третьих, с моей мамой надо соглашаться. Она советует, рекомендует, предлагает — ты соглашаешься, но поступаешь по-своему.

— Ты же не согласился, чтобы мы с ней жили, — напомнила я.

— Любой конформизм удобен, пока не доходит до абсурда, то есть своей противоположности. Мамина атака с аргументами за общее жилье еще впереди. Придется пообещать ей...

— Что?!

— Не перебивай. Поиски квартиры не отменяются. Скажем потом, что нашли вариант исключительно дешевый и выгодный.

Я остановилась как вкопанная, потому что по мозгам ударила очевидная мысль:

— И со мной будешь так? Двойная жизнь, мораль, политика? На словах одно, на деле — другое?

— Никогда! — со смешком и потому недостаточно искренне заверил Саша. — С тобой на деле будет по-другому. Сейчас малую толику этого дела продемонстрирую.

Он затащил меня в темную подворотню, где мы долго целовались, и я забыла о своих опасениях.

Родителей решили знакомить на нейтральной территории, в ресторане.

По тому, как тщательно были уложены волосы у мамы и у Елизаветы Григорьевны, по их новым, магазинно-свежим платьям можно было догадаться, что готовились серьезно. Папа, у которого к вечеру обычно вырастает темная щетина, был выбрит, закован в костюм, придавлен галстуком и белой рубашкой. Для родителей этот ужин — важное событие. Для меня и Саши — вынужденное мероприятие.

Смущение первых минут скрасило долгое выбирание блюд. Всем хотелось проявить щедрость и размах, но мешало осознание, что столько не съесть. Официант стоял около нашего столика и нетерпеливо постукивал карандашом по блокноту.

— Не вибрируйте, молодой человек! — велел ему Саша.